

Эпохальные
МЕМУАРЫ

ЛЕВ
МЕХЛИС
ТЕНЬ ВОЖДЯ

Эпохальные мемуары

Лев Мехлис

Тень вождя

«Автор»

1950–1952

УДК 355/359
ББК 63.3

Мехлис Л. З.

Тень вождя / Л. З. Мехлис — «Автор», 1950–
1952 — (Эпохальные мемуары)

ISBN 978-5-9500920-7-7

Льва Мехлиса звали «Тенью Сталина» и «Правой рукой Сталина», но лучше всего к нему подходит определение «верный соратник». Воспоминания Мехлиса о Иосифе Виссарионовиче Сталине и своей работе на различных постах охватывают период с 1921-го по 1950-й годы. Из мемуаров Льва Мехлиса для первой публикации были отобраны воспоминания, касающиеся периода 1921–1930 годов, когда Лев Захарович работал под непосредственным руководством И. В. Сталина (в том числе и личным помощником Вождя), а также воспоминания о работе Мехлиса в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте в 1942 году. Первая часть публикуемых воспоминаний интересна как свидетельство очевидца и участника событий о создании советского государственного аппарата. Вторая часть освещает период, ставший одним из самых трудных в жизни Мехлиса. Лев Захарович рассказывает о том, почему он оказался в роли «козла отпущения», на которого были свалены все ошибки командования фронтом, в том числе и те, совершению которых он активно пытался воспрепятствовать. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-9500920-7-7

© Мехлис Л. З., 1950–1952

© Автор, 1950–1952

Содержание

От редакции	8
Часть первая. 1921–1930 годы	10
14 января 1951 года	10
Отстояли, теперь надо отстроить!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лев Захарович Мехлис

Тень вождя

© ООО «Яуза-Каталог», 2018

«Чем более дисциплина расшатана, тем к большим деспотичным мерам приходится прибегать для ее насаждения, которые не всегда дают положительные результаты».

«Командира надо обучать быть требовательным к подчиненным, быть властным. Тряпка-командир дисциплины держать не будет».

«Командир должен быть справедливым отцом бойца. Не допускать незаконных репрессий, рукоприкладства, самосудов и сплошного мата».

«Подчинять людей, не унижая их».

Из записных книжек Льва Захаровича Мехлиса

От редакции

Имя Льва Захаровича Мехлиса тесно связано с именем Иосифа Виссарионовича Сталина. Мехлис долгое время был личным помощником Вождя, затем занимал крайне важные и ответственные посты в советской иерархии. Был главным редактором газеты «Правда», рупора ЦК ВКП(б), начальником Главного политуправления Красной Армии, министром государственного контроля СССР. Подобные посты мог занимать только человек, облеченный личным доверием Сталина.

В отличие от всесоюзного старосты Михаила Калинина или маршала Семена Буденного, Лев Мехлис никогда не пользовался любовью ни в народе, ни среди своих подчиненных. «Мехлис – строгий, требовательный, порой даже резкий партийный руководитель. О нем много разного говорят. Не всем требовательность приходится по вкусу». Так отзывался о Льве Захаровиче его преемник на посту начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник Александр Щербаков. Начальник политического управления Волховского фронта Константин Калашников характеризовал Мехлиса как умного, энциклопедически образованного, очень энергичного, но при том вспыльчивого и самолюбивого человека. О «вспыльчивости» или «нервности» Мехлиса вспоминали многие. Но то были единственные недостатки, которые можно было поставить ему в вину. Даже Никита Хрущев, который, по всем понятным причинам, о Сталине и его ближайшем окружении в своих мемуарах отзывался нелестно, признавал, что Мехлис «воистину честнейший человек».

Советский писатель и военный журналист Давид Ортенберг вспоминал, как во время советско-финской войны они вместе с Львом Мехлисом, находясь в одной из советских дивизий, попали в окружение. «Армейский комиссар 1-го ранга (Мехлис. – *Прим. ред.*) посадил работников редакции на грузовичок – бывшее ленинградское такси, дал для охраны несколько бойцов: «Прорывайтесь». И прорвались по еще непрочному льду озера. А сам Мехлис вместе с командиром дивизии возглавил ее выход из окружения... Увидев, что наши не могут сбить финский заслон у дороги, Мехлис расставил бойцов в цепь, сам сел в танк и, двигаясь вперед, открыл огонь из пушки и пулемета. Следом пошли бойцы. Противника с его позиции сбили».

А вот случай времен Великой Отечественной войны, о котором вспоминал начальник инженерных войск Крымского фронта генерал-майор Аркадий Хренов: «В одной из рот его (Мехлиса. – *Прим. ред.*)... и застал приказ об атаке. Он, не раздумывая, стал во главе роты и повел ее за собой. Никто из окружающих не сумел отговорить Мехлиса от этого шага. Спорить же с Львом Захаровичем было очень трудно...».

Если Мехлис был уверен в своей правоте, то спорить с ним действительно было трудно. Да, требовательность не всем приходится по вкусу. Да, если Мехлис видел, что его указания не выполняются должным образом, то негодовал и не стеснялся в выражениях, высказывая свое негодование... И в редакции «Правды», и в Политуправлении, и в министерстве государственного контроля Мехлис бескомпромиссно и беспощадно боролся с теми, чьи действия (или бездействие) наносили вред партии и государству. Если отбросить второстепенное и взглянуть в суть, то перед нами предстает образ умного, энциклопедически образованного, честного коммуниста, умелого организатора и самоотверженного труженика Льва Мехлиса.

Со Сталиным Мехлис познакомился в 1920 году. После лечения по поводу ранения комиссара 46-й дивизии Льва Мехлиса откомандировали в реввоенсовет Юго-Западного фронта в качестве сотрудника для особых поручений. Иосиф Виссарионович Сталин в то время был членом реввоенсовета и фактическим руководителем Юго-Западного фронта. Оценив деловые качества Мехлиса и его преданность революционному делу, Сталин назначил его комиссаром Ударной группы Правобережной Украины, которой предстояло нанести главный удар по засевшим в Крыму врангелевским войскам. Комиссар Мехлис оправдал доверие Ста-

лина. Форсировав Днепр с правого берега, группа ударила по перекопским укреплениям врангелевцев и захватила стратегически важный плацдарм в районе Каховки...

В 1921-м году Лев Мехлис был направлен на работу в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, которым руководил Сталин. Годом позже он стал личным помощником Сталина и оставался им до 1926 года.

Воспоминания Льва Мехлиса о Иосифе Виссарионовиче Сталине и своей работе на различных постах охватывают период с 1921-го по 1950-й годы. Это было время строительства первого в мире социалистического государства, время великих свершений и время напряженной внутрипартийной борьбы, время войны и время послевоенного восстановления народного хозяйства. Лев Захарович писал свои воспоминания после инсульта, вынудившего его оставить работу. Задавшись целью рассказать о Вожде и о своей работе на благо страны, Мехлис специально для этого научился писать левой рукой, так как правая рука была парализована.

Мехлис закончил работу над воспоминаниями в январе 1953 года, незадолго до своей смерти. Он умер 13 февраля 1953 года, а 5-го марта умер Сталин. При Никите Хрущеве, сменившем Сталина на посту главы государства и провозгласившем «борьбу с культом личности и его последствиями», публикация воспоминаний Мехлиса была невозможна. Супруга Льва Захаровича Елизавета Абрамовна хранила рукопись, оставленную мужем, в надежде на лучшие времена, но так их и не дождалась. Она умерла в 1973 году. В то время борьба с культом личности Сталина уже сошла на нет, Хрущева отправили на пенсию, Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Леонид Брежнев, который симпатизировал Сталину и не скрывал своих симпатий, но до полной реабилитации обогнанного Вождя было еще далеко. Незадолго до своей кончины Елизавета Абрамовна передала рукопись самому близкому человеку – своей домработнице и подруге Анне Сергеевне Смирновой. Единственного сына Льва Захаровича и Елизаветы Абрамовны Леонида к тому времени уже не было в живых.

Кроме рукописи Анне Сергеевне было передано несколько записных книжек Льва Мехлиса. Эти документы бережно хранились в домашнем архиве до тех пор, пока внук Анны Сергеевны не передал рукопись Льва Захаровича Мехлиса нашему издательству для публикации. Наш благодетель по понятным причинам пожелал сохранить инкогнито и разрешил упомянуть только имя его бабушки, сохранившей для потомков бесценные воспоминания личного помощника Иосифа Виссарионовича Сталина. «Бесценные» – не преувеличение. Любое историческое свидетельство бесценно, потому что оно уникально.

Из мемуаров Льва Мехлиса для первой публикации были отобраны воспоминания, касающиеся периода 1921–1930 годов, когда Лев Мехлис работал под непосредственным руководством И. В. Сталина (в том числе и личным помощником Вождя), а также воспоминания о работе Мехлиса в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте в 1942 году. Первая часть публикуемых воспоминаний интересна как свидетельство очевидца и участника событий о создании советского государственного аппарата, принципиально новой структуры управления, и как рассказ о роли И. В. Сталина в этом важнейшем для молодого Советского государства деле. Вторая часть рассказывает о деятельности Льва Мехлиса в Крыму в годы Великой Отечественной войны. Этот период, ставший одним из самых трудных в жизни Льва Мехлиса, в официальных источниках освещался односторонне и деятельность Мехлиса в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте оценивалась отрицательно. Но на самом деле все было иначе. Мехлис рассказывает о том, как было дело, и о том, почему он оказался в роли «козла отпущения», на которого были свалены все ошибки командования фронтом, в том числе и те, совершению которых Мехлис активно пытался воспрепятствовать.

Слово предоставляется товарищу Мехлису...

Часть первая. 1921–1930 годы Работа под руководством И. В. Сталина

14 января 1951 года

Болезнь отняла у меня многое и взамен сделала мне один «подарок». Теперь у меня много свободного времени. Невероятно много. Почти все мое время, за исключением того, что тратится на медицинские процедуры, принадлежит мне целиком и полностью. Могу бездельничать сколько угодно, только вот бездельничать я не привык. Работа составляла смысл моей жизни, а теперь я пенсионер, да вдобавок еще и инвалид. Я ненавижу слово «инвалид», оно невероятно меня раздражает. Моя жена Лиза¹ просит всех, кто общается со мной, избегать этого слова. Ум мой ясен, дух крепок, а вот тело подкачалось. Правая половина его «лентяйничает», но это полбеды. Я могу ходить с палочкой и выучился писать левой рукой. Те каракули, которые я сейчас вывожу, не похожи на былой мой почерк, который называли «печатным». Но все же можно понять, что я пишу, и делаю я это так же быстро, как и раньше. Скорость очень важна. Нужно, чтобы рука поспевала за мыслью, а мысли у меня, несмотря на болезнь, такие же быстрые, что и раньше.

Когда я учился писать левой рукой, Лиза удивлялась: зачем ты так мучаешься? Ведь можно же диктовать. Речь у меня из-за болезни изменилась, но не очень. Можно понять, что я говорю, особенно если немного привыкнуть. Тем, кто постоянно общается со мной, дважды повторять ничего не приходится. Но диктовка мне не подходит. Все важные дела я должен обдумывать и записывать в одиночестве. Присутствие посторонних людей отвлекает меня. А дело, ради которого я выучился писать левой рукой, очень важное и ответственное. Да, у меня сначала появилась цель, а затем уже ради нее я начал заново учиться писать.

Без цели не было смысла затевать всю эту мороку. Я не помню, как учился письму в детстве, но в 60 лет это очень тяжело. Хуже всего то, что невозможно придержать тетрадь другой рукой. Приходится изобретать приспособления. Мне изготовили пюпитр, который позволяет мне писать сидя в кресле. Работать за столом я уже не могу и стулья для меня не годятся. На старости лет стал «барином» – сижу в кресле или лежу в постели. Предпочитаю сидеть, поскольку лежа ни писать, ни читать не могу.

Признаюсь честно, что первое время после болезни я пал духом. Было такое дело. Слишком уж внезапно, неожиданно все произошло. Еще вчера я был полон сил, работал, строил планы на будущее, и вдруг моя жизнь перевернулась. Лежи, Лев Захарович, в койке, глотай порошки, ешь бульон да слушай радио. Больше ты ни на что не способен. Иждивенец! К счастью, уныние мое длилось недолго. Стыдно мне стало. Вспомнил я Николая Островского и других товарищей, которые, несмотря ни на какие болезни и трудности, до последнего вздоха продолжали оставаться в строю, продолжали работать. Ум у меня ясный, память хорошая, левая рука меня слушается, так что я еще могу приносить пользу.

Стоило мне воспрянуть духом, как у меня сразу же появилась цель. Я понял, чем мне следует заняться, нет – что я должен² сделать. Мне выпало счастье и огромная честь работать вместе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Наше знакомство состоялось в 1920 году на врангелевском фронте³. Товарищ Сталин был членом

---

¹ Елизавета Абрамовна Млынарчик (1893–1973) – жена Льва Мехлиса. – (Здесь и далее примечания редактора).

² Слово «должен» в рукописи дважды подчеркнуто.

³ Т.е. на Юго-Западном фронте.

фронтового Реввоенсовета, а я был при нем порученцем. Это знакомство стало событием, которое изменило всю мою жизнь, определило мою дальнейшую судьбу. Я собираюсь рассказать прежде всего не о себе, сколько о товарище Сталине. Всем известно, как много сделал товарищ Сталин для великого дела коммунизма, для советского народа и для трудящихся всего мира. О товарище Сталине сказано много, но тем не менее мне есть что добавить к сказанному. Без малого 30 лет я был одним из помощников товарища Сталина. Я видел его в работе своими глазами. Память моя хранит много ценного для истории, и я не вправе унести это богатство с собой в могилу. Вчера мне исполнилось 62 года. Не такой уж и солидный возраст, но состояние моего здоровья оставляет желать лучшего. Я прекрасно сознаю, что одной ногой уже стою в могиле и что недалек тот день, когда и другая нога тоже будет там. Смерти я не боюсь. Как материалист я сознаю ее неизбежность, а что толку бояться неизбежного? Боюсь я другого, что умру, не закончив своего труда, последнего важного дела моей жизни. Я установил себе норму – писать по столько-то строк в день, составил план и вот приступаю к работе. Когда закончу, передам рукопись в ИМЭЛ⁴ товарищу Поспелову⁵, моему старому другу. Мы с ним не раз обсуждали вопросы нашей истории, в частности то, как важны свидетельства очевидцев, причем не просто наблюдавших какие-то события, а принимавших в них активное участие. Что толкового может написать петербургская барыня об Октябре? Ничего. А вот воспоминания каждого участника штурма Зимнего очень ценны. Эти воспоминания будто кирпичи, из которых строится здание нашей новой истории.

В моей собственной биографии, как я смею надеяться, тоже есть кое-что интересное. Я работа в аппарате ЦК, работал в «Правде», в годы войны побывал на разных фронтах, работал в Министерстве госконтроля. Я всегда был на передовой, в том числе и в мирное время. Считаю своим долгом не только рассказать о товарище Сталине, но и как можно полнее передать масштаб тех грандиозных дел, свидетелем и участником которых я был. Я поставил перед собой сложную задачу и прекрасно это сознаю. Но я надеюсь справиться с этой задачей и успеть ее выполнить.

Воспоминания воспоминаниям рознь. В свое время меня и других товарищей сильно и неприятно удивили воспоминания Крупской о Ленине. И в той части, которая касалась самого Владимира Ильича, и в той, где говорилось о ленинских соратниках⁶. Я обещаю (самому себе – в первую очередь!), что буду предельно объективным, не допущу искажений или перекосов и не пойду на поводу у своих чувств. Ответственная работа, которой я посвятил большую часть моей жизни, научила меня оставлять чувства в стороне и руководствоваться интересами дела и только ими одними. Иначе нельзя. Какие-то отдельные черты характера человека могут мне не нравиться, но я привык ценить людей за правильность их политических взглядов и за их деловые качества. Товарищу-коммунисту, хорошему самоотверженному работнику, отдающему делу все свои силы и способности, я готов простить многое. Дело превыше всего, и судить о человеке надлежит по его делам, а не по манерам и т. п.

Все знают товарища Сталина как ближайшего соратника и гениального продолжателя дела Ленина. Но мало кто способен осознать в полной мере размер сталинского вклада в строительство Советского государства и мирового социализма. Скромность товарища Сталина общеизвестна. Он никогда не упоминает о своих личных заслугах. Людям видны свершения,

---

⁴ Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) – центральное партийное научно-исследовательское учреждение в СССР.

⁵ Петр Николаевич Поспелов (1898–1979) – советский партийный деятель, один из ведущих советских идеологов, академик АН СССР. В 1949–1952 гг. был директором ИМЭЛ. В конце 20-х годов прошлого века Поспелов учился вместе со Львом Мехлисом в Институте красной профессуры (ИКП), специальном высшем учебном заведении ЦК ВКП(б), служившем для ускоренной подготовки научных, преподавательских и управленческих кадров.

⁶ Прозрачный намек на то, что в своих воспоминаниях о Ленине Надежда Крупская недостаточно полно отразила роль И. В. Сталина в революционном движении.

достижения, итоги, но им неведомо, какой ценой все это достигалось, сколько именно труда пришлось вложить, сколько препятствий преодолеть. И каких препятствий! Глубоко ошибаются те, кто считает, что самое сложное время для нашего социалистического государства закончилось с победой в Гражданской войне. Нет, на самом деле это сложное время длилось до недавних пор. После Гражданской более пятнадцати лет ушло на то, чтобы разгромить всю нечисть, пытавшуюся подточить наше государство изнутри. Есть такое выражение: «Взять власть – это только половина дела. Другая половина – суметь удержать ее». Я скажу иначе: «Разбить внешнего врага (белогвардейцев, интервентов) – это половина дела. Другая половина, причем более трудная, более важная, – разбить внутреннего врага».

Далеко не все видные партийцы были коммунистами в душе и разделяли ленинские взгляды. Пока Ленин был здоров, они держались в тени, ждали своего часа. С начала 1923 года⁷ вся эта нечисть зашевелилась. Каждый из скрытых врагов выступил в свое время. Если бы не гений товарища Сталина, то Советское государство могло бы и не устоять под натиском внутренних врагов. Внутренний враг стократ опаснее внешнего, поскольку он маскируется под друга, действует тайно, коварно, исподтишка и норовит ударить в самое слабое место. Контрреволюционеры-термидорианцы⁸ погубили Французскую революцию. Их последователи много раз пытались погубить Октябрьскую революцию. И если бы не товарищ Сталин, то у кого-то из них могло бы и получиться это сделать.

Гений товарища Сталина складывается из преданности коммунистическим идеалам, большого ума, энциклопедических знаний, научного марксистского подхода, прозорливости, умения при любых обстоятельствах верно оценивать обстановку, видеть суть, выдающихся организаторских способностей, знания людей и глубочайшей уверенности в победе нашего общего дела. Возглавив партию после смерти Ленина, товарищ Сталин показал себя стойким продолжателем ленинского дела. Под сталинским руководством партия победила в ожесточенной борьбе многочисленных внутренних врагов. Под сталинским руководством было построено наше социалистическое государство. Под сталинским руководством мы отстояли наше государство, разгромив фашистов.

Товарищ Сталин сменил Ленина в тяжелейший из периодов нашей истории, когда страна была разорена двумя продолжительными войнами. Голод, разруха, засилье врагов – вот какое «наследство» досталось товарищу Сталину. Мне, прекрасно помнящему то суровое время, наша нынешняя жизнь кажется сказкой. Даже очевидцу трудно поверить в то, что за тридцать лет с бывшей Российской империей могли произойти столь разительные изменения. И это с учетом большой длительной войны с фашистами, без которой жизнь наша сейчас была бы еще лучше.

Сидя дома, я с неослабевающим вниманием слежу за тем, что делается в мире. Человеку, запертому в четырех стенах, это втроене интересно. Читаю только газеты, много газет, на книги времени не остается. Растягиваю это удовольствие на весь день. Начинаю утром с моей родной «Правды»⁹ и заканчиваю вечером «Красной Звездой» и «Трудом». Читаю я обстоятельно, от начала до конца, ничего не пропуская. По профессиональной редакторской привычке оцениваю каждое слово, каждую фразу. Радуюсь хорошим материалам и огорчаюсь, когда встречаю плохие так, словно сам я редактор этой газеты. Слушаю радио. Слежу за событиями и радуюсь тому, что наша жизнь день ото дня становится лучше. Все мы знаем, кого в первую очередь следует благодарить за это – товарища Сталина.

⁷ Резкое ухудшение самочувствия, имевшее место в декабре 1922 года, вынудило Владимира Ленина вначале частично, а затем полностью (май 1923 года) отойти от дел и переехать в подмосковную усадьбу Горки.

⁸ Термидорианцы – участники контрреволюционного Термидорианского переворота 27–28 июля (9–10 термидора) 1794 года, в ходе которого была свергнута диктатура якобинцев, представлявших самое известное и влиятельное политическое движение Великой французской революции.

⁹ Лев Мехлис был главным редактором газеты «Правда» с 1930 по 1937 г.

Я понимаю, что у меня недостаточно таланта и возможностей для того, чтобы в полной мере показать все то, что было сделано товарищем Сталиным. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

В свое время многое приходилось держать в строжайшей тайне. Этого требовала обстановка. Враги не дремали, отнюдь. Но сейчас, по прошествии многих лет, я расскажу о том, о чем сочту возможным рассказать. «Чем больше красок, тем ярче картина», говорил художник Греков¹⁰. Подробности ценны тем, что они помогают лучше понять происходящее.

Прежде чем приступить к рассказу о товарище Сталине, скажу несколько слов о себе, приведу свою краткую биографию, чтобы дать читателям из будущих поколений представление о том, чему я был свидетелем.

Я родился в Одессе 13 января 1889 года (по старому стилю это был первый день нового года). Отец мой был переплетчиком. На приданое матери, которая происходила из зажиточной семьи, он открыл было букинистическую лавчонку, но скоро разорился и вернулся к переплетному делу. Отец мой много читал и приохотил к чтению меня. Экономя каждую копейку, родители отдали меня в коммерческое училище Файга. Окончить его мне не удалось из-за смерти отца. Пришлось поступить в конторщики на металлический завод Каца и попутно давать уроки.

В 1911 году меня забрали на службу и определили в артиллеристы. Всю империалистическую войну я провел на фронте. С 1915 года я участвовал в работе подпольных социалистических кружков. В партию я вступил в 1918 году, но на самом деле коммунистом стал тремя годами раньше под влиянием старших товарищей, которые раскрыли мне глаза. До тех пор (то есть до 1915 года) я больше склонялся к еврейскому социализму, который на самом деле ничего общего с социализмом не имел. Еврейская буржуазия одурманивала свой народ при помощи красивых фраз о равенстве, братстве и т. п.

В начале 1918 года я вел революционную работу в Одессе, затем работал в Ейске и Москве. Осенью того же года я был мобилизован в РККА¹¹, где в основном занимался политической работой, но и воевать тоже приходилось. Закончил войну комиссаром 46-й стрелковой дивизии. После увольнения в запас я поступил в распоряжение ЦК РКП(б)¹² и в январе 1921 года был назначен начальником канцелярии Совнаркома. В ноябре того же года я был переведен в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции на должность замначальника управления. Руководителем Рабкрина¹³ был товарищ Сталин¹⁴ с которым я, как уже было сказано, познакомился во время Гражданской войны.

В ноябре 1922 года я был назначен помощником Генерального секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина. Спустя два года я стал заведующим бюро Секретариата ЦК и первым помощником Генерального секретаря. Я проработал на этих должностях до января 1926 года, до направления на курсы марксизма при Комакадемии¹⁵. Учебу я совмещал с работой в качестве помощника товарища Сталина. Начав учебу в Комакадемии, я продолжил ее в Институте красной профессуры и учился до 1930 года, когда был направлен в «Правду». Сначала я работал в «Правде» секретарем редакции, спустя год, в 1931, стал главным редактором. В «Правде»

¹⁰ Митрофан Павлович Мартыщенко, более известный как Митрофан Борисович Греков (1882–1934) – советский художник-баталист, автор знаменитой картины «Трубачи Первой конной».

¹¹ Рабоче-крестьянской Красной Армии.

¹² РКП(б), Российская коммунистическая партия (большевиков) – название ВКП(б) – КПСС в 1918–1925 гг.

¹³ Сокращенное название Наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

¹⁴ И. В. Сталин был Народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции РСФСР с февраля 1920 года (с момента основания) по апрель 1922 года.

¹⁵ Коммунистическая академия (первоначально Социалистическая академия общественных наук или Социалистическая академия) – всесоюзное научное учреждение, занимавшееся изучением и разработкой вопросов обществоведения, естествознания и социалистического строительства на основе идей марксизма-ленинизма, а также подготовкой руководящих и научных кадров.

я проработал до декабря 1937 года. Последнее время работы в «Правде» я совмещал обязанности главного редактора с заведованием отделом печати ЦК. С декабря 1939 года до сентября 1940 года был заместителем наркома обороны и начальником Политупра РККА¹⁶. В сентябре 1940 года меня назначили наркомом госконтроля¹⁷.

Накануне войны (в буквальном смысле – накануне) я вернулся на прежнюю работу в наркомат обороны и снова возглавил Политупр. В 1942 году во время продолжительной командировки на Крымском фронте я был вынужден отвечать не только за свои ошибки, которые у меня были (пишу об этом прямо)¹⁸, но и за чужие. По итогам моей работы в Крыму я был понижен в звании¹⁹ и снят с поста заместителя наркома обороны и начальника Политупра. Худшим наказанием было то, что товарищ Сталин игнорировал меня на протяжении нескольких месяцев. Те, кому Сталин перестает доверять, для него не существуют. Мне было больно и горько сознавать, что я разочаровал Верховного Главнокомандующего, не оправдал его доверия. Сильно пришлось мне постараться, чтобы вернуть сталинское доверие. Я счастлив, что мне удалось это сделать.

С июля 1942 года и до конца войны я был членом Военных советов ряда фронтов. Войну я закончил в звании генерал-полковника. После войны руководил госконтролем теперь уже в должности министра²⁰ и пробыл на этом посту до ухода на пенсию по болезни в октябре 1950 года. Заболел я раньше, в декабре 1949-го, перенес инсульт и инфаркт, но долго надеялся, что смогу вернуться к работе. Оказалось, что не смогу. Но «списанным в архив» я себя не считаю. Только смерть может меня списать.

¹⁶ Политическое управление (Главное политическое управление) Красной Армии – центральный военно-политический орган, осуществлявший партийно-политическую работу в Вооруженных Силах РСФСР и СССР в 1919–1991 гг.

¹⁷ Народный комиссариат (министерство) государственного контроля – орган (союзно-республиканский) государственного управления СССР, осуществлявший надзор за производственной, хозяйственной и финансовой деятельностью государственных, кооперативных, общественных организаций, учреждений и предприятий. Был упразднен в 1957 году.

¹⁸ В январе-июне 1942 года Лев Мехлис был представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте. Ему (в числе других руководителей фронта) была поставлена в вину неудача в Керченской операции. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования за № 155452 4 июня 1942 года «О причинах поражения Крымского фронта в Керченской операции» указывалось на следующие ошибки, допущенные командованием Крымского фронта: полное непонимание природы современной войны, бюрократический и бумажный метод руководства войсками, при котором приказы отдавались без учета обстановки на фронте, а также личная недисциплинированность. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в телеграмме от 9 мая 1942 года подверг Льва Мехлиса резкой критике: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы – не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки». О том, что происходило в Крыму в первой половине 1942-го года читайте во второй части этой книги.

¹⁹ За провал Керченской операции Мехлиса понизили в звании на две ступени – из армейского комиссара 1-го ранга (соответствовало воинскому званию генерала армии) до корпусного комиссара (соотв. генерал-лейтенанту).

²⁰ Народные комиссариаты были переименованы в министерства в 1946 году.

Отстояли, теперь надо отстроить!

Сейчас, глядя на тот порядок, что царит вокруг, страшно вспомнить с чего все начиналось.

Январь 1921 года. Разруха. Голодное время. Я только что утвержден в должности начальника канцелярии Совнаркома. В этом назначении большую роль сыграли не мои скромные фронтовые заслуги, а шесть классов коммерческого училища. В ЦК мне так и сказали: «Партии нужны грамотные люди». Нужны, так нужны. Не без робости принял я назначение в Совнарком. Это же – Совнарком! По-старому – Совет министров! Высший исполнительный орган советской власти, которым руководит сам Ленин! Ленина я до той поры видел всего однажды, на митинге в Петрограде. И назначили меня не простым сотрудником канцелярии, а ее начальником! Справлюсь ли я? Оправдаю ли доверие?

Для меня очень важно оправдать доверие. Стараюсь сделать это изо всех сил. Все свои промахи прекрасно помню и стыжусь их до сих пор. Понимаю, что и ошибки давно исправил, и дело прошлое, а все равно стыдно вспомнить.

Придя в Совнарком, я был несказанно удивлен беспорядком, который там царил. Это был не просто беспорядок, а какая-то чудовищная неразбериха. Управление государством создавалось на чистом месте. Все старое было уничтожено, вместо него строилось новое. Но то, что построили, работало из рук вон плохо. Канцелярия Совнаркома тонула в бумагах, делопроизводство, как таковое, напрочь отсутствовало, между наркоматами не было никакой связи. Все нити руководства сходились к Ленину. Он все знал, все помнил и старался все успеть. Но один человек, даже такой гениальный, как Владимир Ильич Ленин, не мог тащить за собой всю государственную машину. Нужно было налаживать дело на всех уровнях во всех отраслях. Нужно было строить новое социалистическое государство. Ленин говорил: «Мы отстояли наше государство, теперь надо его отстроить!» Но никто в руководстве, кроме товарища Сталина, не был способен заниматься этим титаническим трудом, никто не понимал важность и насущную необходимость такого «скучного» дела, как строительство государства.

Строить! Государство нужно строить точно так же, как строят дом! Само собой ничего не делается. После Октября пооткрывали наркоматы, во многие посадили случайных людей (кто под руку попался) и надеялись, что все уладится, заработает само собой. Ан нет, не работало. Демагоги любили повторять «ленинские» слова о кухарке, которая должна управлять государством. Понимать их следовало так: «управление – дело простое, любая кухарка способна с ним справиться». На самом же деле Ленин ничего подобного не говорил и не мог сказать. Ленин сказал так (цитирую): «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской²¹, и с Церетели.²² Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту».²³ Научиться – и тогда управлять. А не сразу от плиты в наркомы! После Октября на должности Верховного главнокомандующего и

---

²¹ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская – деятель русского революционного движения, одна из создателей и лидеров партии социалистов-революционеров (эсеров), а также ее Боевой организации. Имела прозвище «бабушка русской революции».

²² Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) – грузинский социал-демократ, меньшевик, один из лидеров независимой Грузинской Демократической республики и Социал-демократической партии Грузии.

²³ В. И. Ленин. «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917).

наркома по военным делам был назначен бывший прапорщик Крыленко²⁴, впоследствии разоблаченный как бухаринский²⁵ прихвостень. Уже в марте 1918 года Крыленко обратился к Ленину с просьбой освободить его от этих обязанностей, поскольку он с ними справляться не мог. На матроса Маркина²⁶, совершенно не разбирающегося в дипломатии, Троцкий²⁷ спихнул свои обязанности наркома по иностранным делам, что закончилось полным провалом работы в наркомате. Сменившему Троцкого Чичерину²⁸ пришлось, по его собственному выражению, «разгрести авгиевы конюшни».

К концу Гражданской войны стало ясно, что с управлением, как общегосударственным, так и военным нужно немедленно что-то делать. Ленин и Свердлов²⁹ говорили об этом еще в 1918 году. Но в 1921 Свердлова уже не было в живых, а у Ленина было невероятное количество дел, и заниматься приведением управления в порядок он не имел возможности. Но Ленин понимал важность четкого организованного управления. Он понимал, что само собой ничто не наладится. По его распоряжению после Октября был организован Всероссийский совет рабочего контроля, который в 1918 году стал наркоматом госконтроля. Первым его руководителем был Карл Ландер, человек безответственный и никчемный. Этот пост он получил благодаря своему революционному прошлому, но впоследствии выяснилось, что Ландер был провокатором, доносчиком царской охранки. И вдобавок он был оголтелым латышским националистом. Самым большим своим достижением Ландер считал издание трехтомной «Истории Латвии» на латышском языке. Такому человеку нельзя было поручать контроль над советскими учреждениями и заводами, но Ландер был приспешником Троцкого, и Троцкий рекомендовал его. За неполный год пребывания на посту наркома Ландер полностью дискредитировал себя, показал, что никоим образом не годится для такого большого дела. Тогда Ленин поручил государственный контроль товарищу Сталину. При реорганизации наркомата госконтроля в Рабкрин Сталин остался на посту наркома. Сталинский Рабкрин делал огромную работу по приведению государственного управления в порядок и по строительству самого государства. Наладив дело, товарищ Сталин передал Рабкрин в надежные руки товарища Куйбышева³⁰.

Я тоже попытался наладить дело в канцелярии Совнаркома.

Не мог я смотреть спокойно на то, что там творилось. Был я не семи пядей во лбу и опыта канцелярской работы не имел, но изучал канцелярское дело и делопроизводство в коммерческом училище. Этих знаний мне на первых порах хватило, а дальше уже все приходило с опытом. Я навел порядок в картотеке и обращении документов, упростил взаимодействие с

²⁴ Николай Васильевич Крыленко (1885–1938) – российский революционер, большевик, советский государственный деятель. Расстрелян в 1938 году по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за антисоветскую деятельность.

²⁵ Николай Иванович Бухарин (1888–1938) – российский революционер, большевик, советский государственный и партийный деятель, один из ведущих большевистских экономистов-теоретиков. После смерти В. И. Ленина стал членом Политбюро ЦК РКП(б), то есть вошел в число самых влиятельных руководителей партии и государства. С 1929 года находился в опале как правый уклонист, был выведен из Политбюро, занимал второстепенные должности. В 1937 году был исключен из партии и арестован. Являлся одним из главных обвиняемых на процессе по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» (1938 г.). Расстрелян в 1938 году по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

²⁶ Николай Григорьевич Маркин (1893–1918) – российский революционер, секретарь (контролер) Наркомата по иностранным делам РСФСР, комиссар Волжской речной флотилии.

²⁷ Лев Давидович Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн; 1879–1940) – российский революционер, большевик, идеолог троцкизма – одного из течений марксизма. В первом советском правительстве был наркомом по иностранным делам, затем в 1918–1925 гг. наркомом по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР. С 1923 года являлся лидером внутрипартийной левой оппозиции. Был членом Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг. В 1927 году был снят со всех постов и отправлен в ссылку, а в 1929 году – выслан за пределы СССР.

²⁸ Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – российский революционер, нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930 гг.).

²⁹ Яков Михайлович Свердлов (1885–1919) – российский революционер, большевик, советский государственный деятель. Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) с ноября 1917 по март 1919 гг.

³⁰ Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935) – российский революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель. Был народным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (СССР) в 1923–1924 гг.

наркоматами и сделал еще кое-что для того, чтобы канцелярия работала как часы. Хорошее бросается в глаза сразу. Меня похвалили раз, другой. Сам Ленин назвал порядок в канцелярии «образцовым». В числе прочих документов через канцелярию Совнаркома проходила переписка Ленина. Владимир Ильич был недоволен, если не получал ответа на какое-то из писем. А случалось ведь и так, что письмо пропадало не по дороге, а в самой канцелярии из-за безответственности кого-то из сотрудников. В работе с документами очень важна аккуратность. Подшил не в ту папку, положил не в ту ячейку – и все, пропал документ.

Канцелярия Совнаркома, как и весь соваппарат³¹ того времени, была полна случайных людей. Для отбора кандидатов при поступлении на службу существовало два критерия – происхождение и грамотность. Досконально проверять анкеты было некогда и этим обстоятельством часто пользовались различные элементы, которых к Совнаркому и на пушечный выстрел нельзя было подпускать. Во время моей недолгой работы в канцелярии (10 месяцев) разоблачили два десятка сотрудников, скрывших свое дворянское или буржуазное происхождение. С грамотностью тоже не все было гладко. Умение читать, писать и считать еще не делает человека пригодным к канцелярскому делу. Для этого дела, как и для любого другого, нужны особые качества. В первую очередь – аккуратность и исполнительность. Хорошо, если этими качествами обладала треть сотрудников Совнаркома. Мне пришлось избавиться от тех, кто не годился для работы в канцелярии. Это вызвало недовольство и кривотолки. Начали говорить о том, что я «не берегу опытные кадры», «разваливаю работу канцелярии» и т. п. У предыдущей начальницы канцелярии Бричкиной³² в канцелярии остались сторонники, которые составили «антимехлисовскую группу». В сравнении с нетребовательной Бричкиной, которая совершенно развалила работу канцелярии, я «проигрывал». На меня начали жаловаться, потребовали моего отстранения. Жалобы дошли до Ленина. Сам Владимир Ильич такими мелочами не занимался, поручал их своему секретарю Марии Игнатьевне Гляссер. Гляссер была знакома с Лениным по совместной работе в «Искре»³³. Гляссер пользовалась большим и совершенно незаслуженным влиянием в Совнаркове. Она была интриганкой в духе царских придворных, кичилась своей близостью к Ленину и на этом основании считала себя выше других. Кроме того Гляссер покровительствовала Бричкиной. Были они два сапога пара.

Гляссер сделала мне несправедливый и необоснованный выговор за якобы имевши место в канцелярии «развал работы». Я прекрасно понимал истинную причину нелюбви Гляссер ко мне. Незадолго до того я предложил завести в канцелярии контроль за исполнением постановлений Совнаркома. Мне казалось логичным, чтобы канцелярия занималась этим вместе с контролем получения документов из Совнаркома различными учреждениями. Но оказалось, что я, сам того не ведая, вторгся в «епархию» Гляссер, которая по собственному почину, выдаваемому за ленинское поручение, вела такой контроль. Гляссер увидела во мне конкурента и решила выжить меня из Совнаркома. Человек, руководствующийся интересами дела, поступил бы иначе – поделился бы со мной опытом, помог бы наладить контроль. Но Гляссер была не такой. Разумеется, я не стал соглашаться с несправедливыми обвинениями, возражал по каждому пункту. Возражения мои были обоснованными. Опровергнуть их Гляссер не смогла, но сказала, что такому человеку, как я, «не место в канцелярии Совнаркома». Я ответил, что не ей решать, где мне работать, и ушел. Гляссер затаила злобу и начала мне вредить. Она всячески

³¹ Советский аппарат, совокупность советских служащих. Первоначально термин употреблялся применительно к сотрудникам Совета народных комиссаров, но впоследствии распространился на всех служащих советских учреждений.

³² Софья Борисовна Бричкина (1883–1967) – российская революционерка, член РСДРП с 1903 г. В октябре–ноябре 1917 г. была секретарем Московского военно-революционного комитета. С 1919 по 1921 г. заведовала канцелярией Совнаркома, была секретарем Совнаркома и одновременно заместителем управляющего делами ЦК РКП(б). В 1921–1935 гг. работала в Коминтерне, затем во ВЦИК.

³³ «Искра» – революционная нелегальная газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году. В ноябре 1903 года Ленин вышел из редакции «Искры», после чего газета перешла в руки меньшевистской фракции. Издание «Искры» прекратилось в октябре 1905 года. Всего вышло 112 номеров.

старалась меня опорочить. Сама выдумывала какие-то придирки, привлекла к этому некоторых сотрудников канцелярии и библиотекаря Ленина Манучарьянц.

Я впервые в послереволюционной жизни столкнулся с подобной несправедливостью. Нападки были вздорными, необоснованными, но их количество и постоянство формировали мнение о том, что «Мехлис не умеет работать». Как-то само собой выходило так, что все изменения к лучшему есть заслуга сотрудников канцелярии, а во всех ошибках виноват я. Пришлось обратиться к управделами Совнаркома Горбунову, который назначил меня на эту должность. Я знал Горбунова с Гражданской войны. Он был начальником политотдела 14-й армии в которую входила моя 46-я дивизия. Горбунов меня сильно удивил. Я ожидал от него принципиальной партийной оценки моей работы, а также поведения Гляссер и ее пособников, но вместо этого Горбунов развел руками и сказал, что он не может ничего сделать. Передаю дословно то, что услышал: «Если уж Мария Игнатьевна (Гляссер) ополчилась на вас, то спокойно работать вы в Совнаркоме не сможете». Мария Игнатьевна! Скажите еще: «государыня императрица»! Что за порядки царят в главном советском учреждении?! Теперь уже невозможно такого пред- ставить, но тогда все так и было.

Выше Горбунова стоял только Ленин. Только Ленин мог повлиять на Горбунова и Гляссер. Но разве мог я обратиться к руководителю партии и государства с таким мелким вопро- сом?

Разве мог я позволить себе отнимать его драгоценное время? Владимир Ильич работал и днем, и ночью. Небольшой отдых после обеда и два-три часа ночного сна, вот что он позво- лял себе. Вдобавок я знал (все в Совнаркоме знали), что Владимир Ильич болен и его надо беречь. Не мог я беспокоить Ленина по таким пустякам. Так я думал тогда, будучи молодым и неопытным. Сегодня бы побеспокоил не задумываясь, поскольку теперь знаю о том, что любой руководитель в первую очередь заинтересован в том, чтобы его канцелярия и весь его аппарат работали бы как часы. А тогда я этого в полной мере не осознавал. Но и смириться с неспра- ведливостью тоже не мог. Подумал-подумал и решил обратиться к товарищу Сталину. Не за помощью, а за советом – как мне быть?

Сталин внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и огорошил предложе- нием перейти к нему в Рабкрин. Сказал, что устроит этот перевод через ЦК. Я заколебался. Мне тогда показалось, что переход в Рабкрин будет выглядеть как дезертирство или даже пора- жение. Так я и объяснил. Товарищ Сталин возразил: никакого дезертирства тут нет. В Раб- крине я смогу лучше проявить свои способности, не отвлекаясь на ненужные дразги. В Сов- наркоме же мне сейчас все равно спокойно работать не дадут. «Нехорошая там обстановка, совсем не такая, как должна быть», – сказал товарищ Сталин о Совнаркоме.

Затем он стал расспрашивать меня о работе. Что мне нравится, а что не нравится, какие есть предложения. Я ответил, что больше всего мне не нравится обилие ненужных бумаг. По любому, даже самому незначительному поводу Совнарком требует от учреждений письмен- ные объяснения. Объяснений этих ежедневно приходит столько, что канцелярия тонет в них. Обилие бумаг парализует работу, но самое обидное то, что далеко не все объяснения про- читываются. Подшиваются в папку и оседают там навсегда. Зачем плодить никому не нуж- ные бумаги? По серьезным вопросам письменные объяснения требовать нужно, но серьезных вопросов около 10 %. Остальная часть – мелочи, не заслуживающие внимания Совнаркома. Кроме обилия бумаг и напрасной траты времени подобная практика вредна тем, что она наце- ливает руководителей совучреждений не на выполнение поставленных перед ними задач, а на поиски оправданий.

«Я так считаю, раз поручение дано – надо его выполнить во что бы то ни стало. Партия учит нас этому. Жизнь этого требует. Отговорки и оправдания не следует принимать во вни- мание. Критерий только один – сделано или не сделано», – сказал я.

Товарищу Сталину эти слова пришлись по душе. Он сказал, что я мыслю правильно, по-большевистски. Я осмелел и сказал про комиссии. Очень уж много развелось в Совнаркоме комиссий. На каждый чих создавалась своя комиссия. Некоторые товарищи были членами 10–12 комиссий. Меня самого включили в 6 или 7 комиссий. Каждая комиссия заседала по меньшей мере раз в неделю. Когда же тут работать? Когда я потребовал освободить меня хотя бы от участия в комиссии, которая следила за явкой на заседания Совнаркома, меня обвинили в «несознательности». Но зачем нужна такая комиссия? Достаточно одного сотрудника, который будет отмечать явку и требовать объяснений у отсутствующих. Товарищ Сталин согласился и с этим. Я окончательно осмелел (не ожидал такого внимания от столь занятого человека) и сказал о том, что вопросы, обсуждающиеся на заседаниях Совнаркома и Политбюро, становятся известны посторонним из числа работников Совнаркома. Причастные легко разбалтывают подробности непричастным и не видят в том ничего плохого – свои же люди, совнаркомовцы. Так не годится. Секреты есть секреты и разглашать их не полагается. Товарищ Сталин согласился и с этим. Тогда я не понимал всей сложности внутрипартийной обстановки и не мог делать серьезных, далеко идущих выводов. Но своей совестью коммуниста чувствовал, что так быть не должно.

– Мы повсюду наведем порядок. Со временем. Обязательно наведем. В Рабкрине уже многое сделано, но осталось гораздо больше, – сказал товарищ Сталин в завершение нашего разговора.

Я понял эти слова так: «Иди в Рабкрин, товарищ Мехлис! Займись настоящим делом!» Да, думаю, кругом прав товарищ Сталин. Не дадут мне спокойно работать в канцелярии Совнаркома. Раз уж сам Горбунов не рискует связываться с Гляссер, то уж ничего не поделаешь. Обидно, конечно, мне было. Только наладил работу в канцелярии, и приходится уходить. Но так будет лучше. Я сказал товарищу Сталину о своем решении. Он одобрил: вот и хорошо, договорились значит.

Несколько дней ушло на формальности. Горбунов обрадовался, когда я сказал ему, что хочу уйти в Рабкрин, по глазам было видно. Он не любил конфликтов и всячески старался их избегать. Я понимаю, что характеры у людей разные, но мягкотелым людям, которые не умеют поставить на своем, не умеют организовывать людей, нечего делать на руководящей работе. Истинное лицо Горбунова открылось много позже³⁴, а тогда я считал его мягкотелым и слабым руководителем.

В 1920-м году я и представить не мог, сколько врагов проникло в нашу ленинскую партию. Я не мог представить, что в Совнаркоме различные враги, явные и скрытые фракционеры составляют большинство. В годы войны (Гражданской) я замечал то, что мне не нравилось и чего я не мог понять. Например – любви Троцкого к различного рода военспецам. Но я объяснял все виденное как отдельные недостатки. Глубже моя мысль не проникала. Не хватало у меня для этого ни знаний, ни ума, ни кругозора.

У товарища Сталина я научился пяти важным качествам.

Зреть в корень. В каждом случае добираться до первопричины, чтобы понять суть и сделать правильные³⁵ выводы.

Подходить ко всему с партийной меркой. Хорошо все, что хорошо для партии (народа). Остальные соображения не имеют значения, они второстепенны.

Уметь разбираться в людях, верно оценивать их способности. Это качество вырабатывается довольно долго, но коммунисту-организатору без него нельзя. Нужно понимать, кому и что поручаешь, способен ли человек выполнить поставленную перед ним задачу. Важно разделять «не может» и «не хочет». Если человек не способен выполнить задачу, наказанию под-

³⁴ Николай Петрович Горбунов был осужден в 1938 году по обвинению в антисоветской деятельности и расстрелян.

³⁵ Слово «правильные» в рукописи дважды подчеркнуто.

лежит тот, кто дал ему непосильное поручение. Подобное поведение – один из распространенных методов саботажа.

Судить о человеке по его делам и только по делам, а не по былым заслугам, должно-сти и т. п. Единожды оступившегося можно простить, то есть дать ему возможность искупить ошибку, если она допущена без злого умысла. Тому, кто оступается много раз, никакой веры быть не может. Пример – Троцкий. В 1917 году Троцкий сумел убедить Ленина в своей преданности и искренности. Былые свои измены большевизму³⁶ он объяснил как «ошибки молодости». Ленин Троцкому поверил и сильно впоследствии об этом жалел. А вот товарищ Сталин никогда не верил Троцкому ни на грош. Так же, как и другим врагам, проникшим в партию и ее руководство. «Партийный билет не делает человека коммунистом» эти слова товарища Сталина мне во время работы приходилось вспоминать едва ли не каждый день.

Работать по-сталински, то есть с максимальной самоотдачей и максимальной эффективностью. Не просто стараться, а стараться сделать как можно больше дел как можно лучше. Любому организатору нужно начинать организацию с себя самого. В качестве отрицательного примера могу привести бывшего секретаря ЦК Михайлова³⁷. Революционер Михайлов показал себя никудышным организатором, поскольку, пытаясь организовать других, не умел организовать себя. Он оказывался несостоятельным на всех постах, куда ставила его партия. Посты эти были чем дальше, тем ниже. Вместо того чтобы задуматься о причинах своего понижения, сделать выводы и попытаться изменить отношение к делу, Михайлов затаил обиду на партию. Кривая дорога привела его к правым уклонистам. Хорошо начав (секретарь ЦК в 27 лет!), Михайлов закончил плохо, стенкой. Обиды на партию и ЦК никого до добра не доводили.

Коль уж речь зашла о Михайлове, то скажу и о других таких как он. Нельзя козырять своими революционными и прочими заслугами. Одной из главных кадровых ошибок начального периода было распределение людей на руководящие посты только лишь на основе их заслуг перед революцией при игнорировании деловых качеств. Я упоминал Крыленко и Маркина, но таких были тысячи, десятки тысяч на всех уровнях сверху донизу. В партии появилось понятие «старый большевик», было создано их общество³⁸. Очень скоро «старыми» стали считаться не только те большевики, которые вступили в партию до революции 1905 года, но вообще все, вступившие до Октября. На второе важное условие «старости» – непрерывность партийного стажа, часто не обращали внимания. В результате «старых большевиков» развелось пруд пруди, и каждый из них требовал себе высокую должность, каждый хотел руководить. Я сейчас веду речь не о заслуженных членах партии, а о тех, для кого понятие «старый большевик» стало чем-то вроде дворянского титула, дающего право на привилегии. Громя правых уклонистов,

³⁶ До Октябрьской революции Лев Троцкий неоднократно выступал против большевиков и лично В. И. Ленина. В 1911–1912 годах взаимная неприязнь между Лениным и Троцким достигла своего апогея. Остроту ее можно представить по отрывку из письма Троцкого грузинскому меньшевику Николаю Чхеидзе, написанного в апреле 1913 года: «...каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно неповрежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове... Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение – именно в линии вопроса: единство или раскол...» Об отношении Ленина к Троцкому можно судить по отрывку из письма Ленина к революционерке и близкой подруге Инессе Арманд, написанному в феврале 1917 года: «...приехал Троцкий (речь идет о приезде в США. – Прим. ред.), и сей мерзавец сразу снюхался с правым крылом «Нового Мира» против левых циммервальдцев!! Так-то!! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...» Но в мае-июле 1917 года состоялось примирение Ленина с Троцким. В октябре 1917 года Ленин уже называл Троцкого «преданным сторонником партии революционного пролетариата».

³⁷ Василий Михайлович Михайлов (1894–1937) – российский революционер, советский партийный и государственный деятель. Был секретарем ЦК РКП(б) в 1921–1922 гг. Осужден в 1937 году по обвинению в антисоветской деятельности (по делу «Антисоветского правотроцкистского блока») и расстрелян.

³⁸ В 1922 году было организовано Всесоюзное общество старых большевиков при Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарте). В него могли вступать большевики, имевшие не менее 18 лет непрерывного партийного стажа.

товарищ Сталин разгромил заодно и таких вот «старых большевиков». ³⁹ Если где-то бывшие заслуги принимались во внимание, то в Рабкрине обращали внимание только на нынешние дела. С теми, кто в качестве оправдания начинал козырять былыми заслугами, разговор был короткий и суровый. Ходатаям тоже давали от ворот поворот.

В 1922 году был случай с Енукидзе⁴⁰, в то время занимавшим пост секретаря ЦИК. Енукидзе явился в Рабкрин с длинным списком тех, кого, по его мнению, «обидели» – сняли с должности, исключили из партии, завели уголовное дело. Енукидзе вел себя как барин – повышал голос, угрожал, оскорблял, намекал на свое «особое» положение. Он устроил в Рабкрине скандал, требуя «немедленного восстановления справедливости» в отношении лиц из его списка. Я взял у Енукидзе список, прочел его и сказал, что доложу товарищу Сталину, который в тот момент отсутствовал, иначе Енукидзе пошел бы прямо к нему. Мой доклад обернулся для меня выговором. Товарищ Сталин на моих глазах порвал список, отдал мне и велел отправить в таком виде Енукидзе. Меня же он строго отчитал за то, что я вообще принял этот список, и предупредил, чтобы больше я ничего подобного не смел бы делать. Я растерялся и спросил, как мне следовало поступить с Енукидзе, который скандалил и требовал немедленного решения своего «дела». Он же все-таки секретарь ЦИК. Товарищ Сталин сказал так: «Если секретарь ЦИК недоволен работой Рабкрина, то он должен выступать не в коридорах, а на собраниях. Со скандалистами разговаривать вообще не следует, кем бы они не были. Здесь не трактир, а советское учреждение».

В Рабкрине, в отличие от Совнаркома, царил идеальный порядок. Обстановка была деловой, каждый сотрудник знал свое дело и делал его добросовестно. Все брали пример со Сталина.

Я положил обрывки списка в конверт и отправил Енукидзе. На том дело закончилось. Больше Енукидзе скандалов в Рабкрине не устраивал. Мне впоследствии приходилось общаться с ним по работе. Он держался со мной сухо, говорил только о деле и голоса никогда больше не повышал. Значит, усвоил урок. Несмотря на то, что Енукидзе всячески пытался демонстрировать «широту кавказской души», его не любили. За показной «широтой» скрывались подлость, злопамятство, интриганство. Вдобавок ко всему Енукидзе был развратником, причем самого гнусного толка⁴¹.

³⁹ Из речи И. В. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «О правом уклоне в ВКП(б)» (22 апреля 1929 г.): «Если мы потому только называемся старыми большевиками, что мы старые, то плохи наши дела, товарищи. Старые большевики пользуются уважением не потому, что они старые, а потому, что они являются вместе с тем вечно новыми, не стареющими революционерами. Если старый большевик свернул с пути революции или опустился и потускнел политически, пускай ему будет хоть сотня лет, он не имеет права называться старым большевиком, он не имеет права требовать от партии уважения к себе».

⁴⁰ Амель Сафронович Енукидзе (1877–1937) – грузинский революционер, большевик, советский государственный деятель. Крестный отец второй жены И. В. Сталина Надежды Аллилуевой. В 1935 году Енукидзе был снят с должности секретаря Центрального исполнительного комитета СССР и исключен из рядов ВКП(б) с формулировкой «за политическое и бытовое разложение». В июне 1936 г. на пленуме ЦК ВКП(б) Енукидзе был восстановлен в партии, но в феврале 1937 арестован по обвинению в измене Родине, шпионаже, в причастности к покушению на А. А. Жданова, а также в участии в так называемом «военно-фашистском заговоре в РККА», ставившем своей целью осуществление в СССР военного переворота. 30 октября 1937 года Енукидзе был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда.

⁴¹ Жена родного брата Екатерины Сванидзе (первой жены И. В. Сталина) Мария Сванидзе-Короно в 1935 году писала в своем дневнике об Авеле Енукидзе следующее: «Будучи сам развратен и сластолюбив, он смрадил все вокруг себя – ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек... будучи эротически ненормальным и, очевидно, не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и, наконец, докатился до девочек 9–11 лет, развращая их воображение, растлеывая их, если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым признакам, нравившимся Авелю... Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков – стоило ему поставить интересную девочку или женщину, и все можно было около его носа разделять...»

Полученный урок я запомнил на всю жизнь. Вообще работа в Рабкрине под сталинским руководством стала для меня университетом. То, чему я научился в Рабкрине, осталось на всю жизнь. Будучи министром госконтроля, я никогда не делал никому поблажек. Никогда, никому, несмотря ни на какие заслуги. Когда меня обвиняли в «черствости» или «бездушии», я отвечал, что работаю так, как меня научили работать партия и товарищ Сталин.

Товарищ Сталин учил нас, сотрудников Рабкрина, тому, что выявлять недостатки и наказывать виновных – это только полдела. Важно наладить работу так, чтобы впредь недостатков не было. «Какие будут предложения?» – излюбленный вопрос товарища Сталина. Все сотрудники знали, что к наркому нельзя приходить с одними лишь выявленными нарушениями и фамилиями виновных. Непременно следует обдумать положение дел и дать предложения по улучшению работы. Были такие, кто говорил: «наше дело – выявить недостатки, а как их исправить, пускай думают на месте (то есть – пускай думают руководители учреждений). Такие люди долго в Рабкрине не задерживались. Мы не только инспекция, мы участвуем в создании нового социалистического аппарата управления. Так учил товарищ Сталин.

Приведу еще один случай, «героем» которого стал председатель ЦК коммунальщиков⁴² Боровский. В 1919 году Боровский был председателем фракции РКИ в ЦК⁴³. На этом основании он считал себя великим знатоком инспекторского дела и вообще превосходным, незаменимым, знающим руководителем. На деле же как председатель фракции РКИ Боровский себя показал полным неумехой. До революции Боровский служил в пожарной команде в Москве. Это обстоятельство показалось кому-то достаточным для поручения Боровскому руководства коммунхозом⁴⁴. Да, большевистских кадров в первые годы Советской власти не хватало. Но это не могло служить оправданием для легкомысленного (если не сказать большего) подхода к назначениям на ответственные посты.

В ЦК коммунальщиков Боровский завел кумовство, низкопоклонство и бюрократию. Сделал из себя «наместника божьего», отгородился от всех целым кордоном секретарш, руководство свел к написанию приказов и инструкций, потакал расхитителям народного добра. Прямую причастность Боровского к хищениям доказать не удалось, потому он отделался снятием с должности и отправкой в какую-то губернию на заведование коммунхозом. Но «не удалось доказать» и «непричастен» – это разные понятия. Боровского спасло лишь то, что главарь расхитителей отравился, когда его пришли арестовывать. Тем самым оборвалась ниточка, которая могла вести к Боровскому. Но это было позже, в 1922 году, а в декабре 1921-го, когда я только начал осваиваться в Рабкрине, Боровский попытался с нами (Рабкрином) воевать. «Войну» он организовал хорошо, работу бы так организовывал. В Совнарком и ВЦИК посыпались жалобы, причем очень толково составленные. Рабкрин мешает работать, терроризирует наших сотрудников, это вредит всей нашей работе в целом и т. п. Жалобы содержали множество примеров, вплоть до абсурдных. Помню такой: составляя ответное письмо в Рабкрин, секретарша Боровского задержалась на работе допоздна, потом шла домой в темноте, упала в яму, сломала себе руку, и в результате Боровский остался без секретарши. Боровского, явно того не афишируя, поддержал Троцкий. Троцкий, при всех своих недостатках, дураком не был и хорошо понимал, кто ему друг, а кто враг. В товарище Сталине Троцкий видел самого главного своего врага и потому поддерживал всех, кто нападал на Рабкрин. Заветной мечтой Троцкого, которой не суждено было осуществиться, было смещение товарища Сталина. Ради этого Троцкий был готов на все. По команде Троцкого Боровского поддерживали его сторонники, руководившие другими учреждениями. Послушать их, так Рабкрин никому не дает работать, срывает

⁴² Центрального комитета Всероссийского союза работников коммунального хозяйства.

⁴³ Фракции (отдела) рабоче-крестьянской инспекции в Центральном комитете РКП(б).

⁴⁴ Коммунальным хозяйством.

всю работу государственного аппарата и все это (цитирую по памяти Боровского): «ради удовлетворения личных амбиций Сталина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.